

последний из...

17 августа, не дожив двух недель до 93-летия, в своей московской квартире умер старейший театральный режиссер Валентин Плучек — последний из блистательной плеяды создателей советского революционного театра.

20 августа в зале Театра сатиры, которому Валентин Николаевич отдал в общей сложности полвека, люди, любившие его, прощались с Мастером. К сожалению, почти вся труппа театра находилась на гастролях в Кемерово и на панихиду приехали только те, кто не участвовал в тот день в спектакле: Ольга Аросева, Вера Васильева, Нина Архипова и нынешний руководитель театра Александр Ширвиндт.

Первую роль получил из рук Мейерхольда

— Плучек вобрал в себя всю культуру столетия, — рассказывала «Собеседнику» Наталья Селезнева, актриса театра. — Он общался с писателями, академиками, художниками... Он был учеником самого Мейерхольда!

Сначала Плучек и не помышлял о режиссуре. После семилетки у него обнаружилась склонность к живописи, и он поступил во ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские). Уже на первом курсе его работа попала на дипломную выставку изотехникума. Но интересы Плучека не ограничивались одной живописью. В 1926 году он увидел объявление о наборе к Мейерхольду — главному театральному экспериментатору начала столетия. Это, можно сказать, определило его судьбу. Он подал заявление и был принят. А в 1929-м уже закончил факультет Государственной театральной экспериментальной мастерской Мейерхольда — и тут же получил свою первую роль в «Ревизоре» Гоголя. Дебют Плучека состоялся... в стоящей на сцене тумбочке, поскольку его назначили любовником жены Городничего, которую играла Зинаида Райх. На сцене он показался на несколько секунд, но надолго запомнился и зрителям, и критикам, весьма эффектно выпрыгнув из своего укрытия. Конечно, у Гоголя такой роли не было, мейерхольдовскую трактовку дико ругали, Демьян Бедный демонстративно ушел со спектакля. Маяковский вслед ему громкогласно откомментировал: «БЕДНЫЙ тот, кто ушел!» Именно Маяковский, кстати, настоял, чтобы Плучек сыграл роль Моментальщикова в его «Бане».

Проработав у Мейерхольда 10 лет, Плучек отвалился на вольное плавание. Сначала создал Театр рабочей молодежи (ТРАМ) электриков.

Со своим другом, драматургом Алексеем Арбузовым, Плучек создал театр, который стал потом Государственной театральной московской студией. 5 марта 1941 года там впервые прошел спектакль «Город на заре» — о строительстве Комсомольска. Пьесу под руководством Арбузова писали все студии вместе — в их числе был молодой Саха Галич, тогда Гинзбург... Этот спектакль имел бешеный успех.

Существованию театра помешала война, но Плучек не остался без дела. Он возглавил театр Северного флота.

— Все свои постановки он посвящал жене Зиначке, — вспоминает Нина Архипова, — тогда она была актрисой, потом оставила сцену и всю жизнь посвятила ему.

После войны Валентин Николаевич вернулся в Москву. Первое время ему трудно было найти работу, но потом его пригласили в Театр сатиры

— как режиссера. А в 1957 году он был утвержден на должность главрежа театра. К тому времени в Сатире (так называют театр его обитатели) уже сложился легендарный актерский состав: Татьяна Пельтцер, Георгий Менглет, Нина Архипова, Владимир Лепко, Вера Васильева, Ольга Аросева. Новый главреж полностью изменил репертуар. Начал ставить пьесы Маяковского, в сталинские времена не видевшие сцены. Сенсацией стал спектакль Плучека по «Теркин» на том свете — поэме, которая увидела свет лишь через восемь лет после завершения ее первой редакции. Эту яростную сатиру разрешил к печати лично Хрущев, а спектакль был закрыт почти сразу после его снятия. После десятка представлений сняли и сатирическую пьесу Назыма Хикмета — турецкий коммунист, политэмигрант, «друг Советского Союза» не ограничился критикой родного правительства и отчихвостил новую родину так, что мало не показалось. Его «А был ли Иван Иванович?» в прелестной трактовке Плучека был запрещен безжалостно.

Маяковским валил цензоры

Валентин Николаевич на своей сцене умудрялся на пике застоя ставить спектакли, из-за которых у других театров были бы большие проблемы.

— Мое знакомство с Плучеком как раз и произошло году примерно в 62-м, когда я пытался пробить на студенческой сцене спектакль «Дракон» по Шварцу, — рассказал главный режиссер Ленкома Марк Захаров. — И только благодаря Валентину Николаевичу спектакль разрешили. Потом, в 1965 году, он пригласил меня в свой театр. Для меня это было настолько неожиданно! Я ведь не был профессиональным режиссером. Сначала я вы-

склонным к авантюрам. Однажды, например, предложил Ширвиндту, Мионову и Захарову провести всю ночь в прогулках по Москве. И до утра они гуляли и по Ленинским горам, и по центру, а Плучек без перерыва травил байки, читал стихи, вспоминал истории, связанные с Мейерхольдом и Маяковским.

— Я пришла в театр после того, как снялась у Гайдая и поняла, что я — комедийная актриса, — рассказывает Наталья Селезнева. — В то время мне очень хотелось попасть в Сатиру, и я после первой же пробы прошла. Это были вре-

бываясь универсальности: преподавал им знаменитую «биомеханику», воспитывал музыкальность... Но репертуар театра все больше напоминал «Кабачок «13 стульев», который и делался в основном силами труппы. Спектакли становились беззубыми, эксплуатировались старые приемы, труппа застывала, коснела, и ни Менглет, ни Рунге не могли спасти приторную пьесу или откровенно эстрадную постановку. В фильме Рязанова «Гараж» прозвучал весьма едкий диалог:

— Я занимаюсь советской сатирой.

— Удивительная специаль-

Плучек уходит и остается

мена расцвета театра! Студенты по ночам сидели у его ступеней, ждали открытия, чтобы первыми взять билеты. А после них собиралась вся труппа — и слушала Учителя. Он был великолепным рассказчиком. Открыл для нас поэзию серебряного века, Твардовского и Пастернака.

ность — заниматься тем, чего нет!

Правда, виноват в этой деградации театра был не только стареющий Плучек, у которого не складывались отношения с молодыми актерами и режиссерами. Он честно пытался поддерживать имидж сатирического театра — не приемля, однако, таганской, брехтовской эстетики и диссидентского пафоса. Он умудрился первым поставить розовое «Гнездо глухаря» — пьесу о тупости нового мешанства и продажности чиновничества, совершенно невинную по нынешним временам, но скандальную по тем. Классикой стала его «Женитьба Фигаро», державшаяся на сцене двадцать лет и до сих пор безбоязненно эксплуатируемая телевидением. Однако через год после этой блестящей постановки Плучеку пришлось к столетию Ленина ставить патристический, пафосный спектакль «У времени в плену» по чудовищной пьесе А. Штейна о Всеволоде Вишневском. Вишневского играл Мионов. На лице его боролись стыд, страдание и неумолимое желание расхотаться.

В последние годы Плучек руководил театром лишь номинально — и не скрывал этого. Последний его громкой постановкой был спектакль «Самоубийца» по пьесе Эрдмана: мейерхольдовский спектакль

закрыли после генерального прогона в 1931 году, и Плучек считал своим долгом осушить мечту учителя. Лучшая, по мнению Каверина и Шварца, советская пьеса одновременно была поставлена Плучеком и Любимовым — оба долгие годы мечтали об этой постановке.

В 2001 году Плучек отправился на заслуженный отдых, оставив пост главного режиссера своему ученику Александру Ширвиндту. Ожидали скандала (благо конфликтов в театре хватало — много сора из избы вынесла Т. Егорова в своей книге «Андрей Мионов и я»). Скандала не вышло — Плучек с достоинством передал бразды, Ширвиндт тактично принял театр.

В последние годы Валентин Николаевич очень много болел, и ему уже тяжело было справляться со своими обязанностями. Он больше сидел дома, читал книги.

— Книжки вообще всегда были его страстью, — вспоминает Нина Архипова. — Когда я с Плучеком познакомилась, он еще не работал в Сатире. До женитьбы он жил в одной комнате с кинодраматургом

Николаем Оттенком. У них там не было мебели, зато были книги, которые им служили и подушками, и стульями, и столами. А еще, когда недавно умер мой муж — Жора Менглет, Плучек мне все время помогал, звонил, успокаивал и на мой вопрос: «Валентин Николаевич, а чем вы занимаетесь?» — отвечал: «Читаю и вам то же советую».

Попрошиться с Плучеком в театр, которому он отдал 45 лет своей жизни, пришли его ученики. Вспоминали только хорошее. Многие говорили о том, что Плучек ни разу, ни единым словом не предал своих учителей. И о том, что, родись он в другое время, никто и ничто не помешало бы ему стать крупнейшим режиссером-авангардистом, мастером сатирического театра. Нужно низко поклониться ему уже за то, что в условиях торжествующего хамства и воинственной простоты он смог сохранить высочайшую театральную культуру, создал уникальную труппу и умудрялся дарить зрителю праздник даже тогда, когда вокруг торжествовала серость.

Как знать, может быть, это и важнее, чем бичевать пороки или дразнить власть?

Прощайте, мэтр.
■ Мария Кутырева, Дмитрий Быков.